

Юрий КИТАЕВ

Юрий Китаев родился в Москве, работал инженером, слесарем, учителем и др. Публиковался в журналах «Топос», «Знамя», «Нева»; предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Зимнее утро» (№ 1-2, 2024).

О МОНУМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

*Брови царь нахмуря,
Говорил: Вчера
Повалила буря
Памятник Петра*

Пушкин

*Не по шучьему веленью,
И не по моему хотенью,
А от всемирного тяготенья -
Приподнятый краном памятник
Раскачивается, как маятник.*

Exegi, говорит, monumentum...

Князю Владимиру (слышали?) памятник в Москве поставили... Возле дома Пашкова... А некоторые не хотели... На Юнеску ссылались...

А почему не хотели? Чего тут такого? И кто она такая, эта Юнеска?

Где-то, говорят, плавленому сырку памятник поставили, где-то граненому стакану, в Питере – Петру Великому (Новый. Он, может быть, и медный, но не всадник) и Чижик-Пыжику... А сколько еще всяких... Почему бы и князю не поставить?..

...В Питере хорошо. Там понятные памятники. И Медный всадник, и Ленин на броневике, и «на площади комод, на комодке бегемот, на бегемоте обормот» ...

Но это Питер... Питер нам не указ. У них вообще все по-другому.

Там у них, как один великий писатель сказал, *земля до неба достаёт...*

Нам до Питера далеко. И до неба не достаем.

У нас все проще... У нас – что есть, то есть... Данность... Предлагаемые обстоятельства...

У нас князь... Владимир. Киевский... Ясно солнышко.

Но дело не в этом.

Есть более важные предметы.

1.

Перед Иосиф Волоцким монастырем памятник Преподобному.

И многие проходящие в монастырь и даже приезжающие на автомобилях, останавливаются перед памятником, подходят, крестятся и кланяются, будто это икона...

А рядом, у ворот или на лавке под деревьями, то и дело кто-нибудь очень умный из монастырских наблюдает это и всякий раз вслух возмущается: «Что они делают? Ничего не понимают! Это же не икона... Это просто памятник...»

Другой раз уже и времени довольно много пройдет, и вечер наступает, и к памятнику никто нейдет, и вокруг никого, а он, бедный, все повторяет: «Дураки!.. Это ж не икона, а памятник...»

А иногда и вечером в монастыре он не может успокоиться и рассказывает:

– Подходят, крестятся, кланяются... А это же просто памятник...

2.

Это, конечно, не к вопросу о сносе или несносе всяких памятников (несносных порой), вокруг которого снова и снова столько дурных страстей и шуму со всех сторон, не слишком честного, неумного и чаще всего своекорыстного... Нет, не к вопросу... И не про установку новых. И не про неустановку...

Пока просто о памятниках.

Во-первых, и это главное, каждому историческому памятнику (особенно в своем отечестве – хотя, конечно, не исключительно) мы все (или почти все) обязаны жизнью.

То есть, не памятнику, конечно... При чем тут памятник?.. Хотя всякое случается...

А жизнью мы обязаны тому, кому памятник. Кому поставили или не поставили. Снесли или не снесли.

Разумеется, если это не какой-нибудь там художник, писатель, ученый или композитор, Чижик-Пыжик, граненый стакан или плавленый сырок – хотя и тут не все однозначно... Художники и музыканты тоже бывают разные... Был, например, в Риме один кифарист... Да, и плавленые сырки с Чижик-Пыжиками бывают всякие...

Но пока я имею в виду только «реальных», значительных, важных исторических персонажей: царей, вождей, героев, генералов, политиков, Иванов Сусаниных и др. и пр., так или иначе, заметно повлиявших на ход исторического процесса мирового, отечественного или хотя бы районного масштаба.

Всяких петров, екатерин, павлов, ермаков, заруцких и колумбов, каляевых и столыпинных...

И ближе к нам: совсем уже малосимпатичных лениных, троцких, иосифвиссарионовичей, дзержинских, кировых, молотовых и никитсерегеевичей.

Впрочем, и совсем простые, незначительные, вроде нас с вами, люди, в крайнем пределе, конечно, могут иметь для самого факта развития жизни определенное и даже, может быть, решающее значение... Но таким памятников не ставят. Мы – вне истории.

Поэтому пока остановимся на «важных».

Вообразите сами: будь на их месте какие-нибудь другие люди, или если б сами они (те, которые были, которым памятники) сделали бы что-нибудь не так, как они сделали, или хотя бы не совсем так, история (наша, личная!) могла бы пойти хоть чуть-чуть, но другим путем...

А это исторически незаметное «чуть-чуть» для отдельного, частного человека может оказаться вопросом жизни и смерти – по крайней мере...

То есть «быть или не быть?» ...Категорически!

Или Зимний дворец (от которого у нас, как от печки, долго принято было плясать – хоть в ту, хоть в другую сторону), днем раньше или позже взяли бы, или не те бы взяли...

Или и вовсе государь не подписал бы отречения... Или, или...

А еще Смольный институт...

...Или бронзовый Ильич со товарищи прибыл бы в немецком запечатанном вагоне неделей раньше или неделей позже, и был бы в качестве шпиона и агента задержан пусть и временным, но правительством... Или в другом составе они прибыли бы...

Или столыпинское переселение народов чуть-раньше или чуть позже бы началось, или если бы Великий князь Василий (Очень темный!) в татарский бы плен не попал, или еще чего-нибудь, иногда мелкое и несуразное – которым нет числа.

Или (вот было бы, кажется, хорошо!) мировой войны вообще бы не было...

...А еще у нас была коллективизация, индустриализация, переселения народов, магнитка с целиной, ликбез с политпросветом, укрупнение деревень и колхозов, строительство и ликвидация больших и маленьких промпредприятий и др. и пр. Чего только не было.

И во всем этом так или иначе всякие «памятники» участвовали...

И все это так или иначе влияло на судьбы и жизнь людей (всех-всех!), на их повседневную деятельность, передвижение по стране, «круг знакомств» и так далее...

И побреди наша история совсем-совсем немного другим путем (просто паровоз, пароход или всенародный самосвал какой-нибудь минут на двадцать нечаянно опоздал), наши мама с папой могли бы просто не встретиться или как-нибудь по-другому встретиться: откуда бы мы (все-все!) тогда бы и на свете взялись?

Стечение обстоятельств...

Вместо нас просто были бы какие-то совсем другие люди.

Возможно, они могли бы быть и лучше и талантливее и даже (страшно вымолвить!) счастливее нас, но это уже другой вопрос...

Все просто.

Одни ученые мужи оценивают вероятность появления на свет конкретной человеческой особи как 10^{-6} , другие – как 10^{-8} , 10^{-10} , и так далее... То есть, в любом случае, вероятность рождения конкретного индивидуума, единственного и неповторимого, тебя, меня, его и так далее – просто исчезающе мала...

А рассыпающийся в своих бесконечных подробностях наш тварный мир един, и все в нем необходимо и неумолимо связано и взаимосвязано.

О Божием Промысле мы сейчас не говорим: это слишком важный вопрос, но для нас, в сущности, малопостижимый...

Хотя многие страшно любят его по-своему толковать и на него ссылаться... *Как они это понимают...*

Или – как научили...

И выходит, что все мы не только «дети», наследники, но и, простите, «продукты» того, что было.

И случись что-нибудь не так, и окажись кто-нибудь другой на наших политико-исторических «памятниках», вместо нас (уж какие есть) о сносе или несносе этих самых памятников рассуждали бы (или не рассуждали бы) теперь не мы, а какие-нибудь совершенно другие люди...

И выходит, что к памятникам (безотносительно от нашего личного отношения к поминаемой личности) следует относиться уважительно или хотя бы терпимо... А то – где бы мы сами были?

Хорошие или плохие, но это неминуемо: «памятники» – свои. Даже если они откровенные чужестранцы.

Правда, мы, захваченные нашими либеральными, или монархическими, или анархическими, или какими-то другими теориями, обо всем этом не склонны думать. Нам привычнее судить – с высоты нашей сегодняшней и сиюминутной исторической добродетельности...

И не только великие герои, но и некрасивые, нечестные, недобрые и всякие другие вожди, прошлые, настоящие и будущие тоже («памятники») суть составные человечества и продукты нашего народа и нашей исторической жизни...

Так что памятники (какие ни есть!) заслуживают все же уважения...

Личное

Когда-то я работал на улице Казакова. Там располагались тогда некоторые предприятия или, как их тогда называли, «конторы» великого и могучего Мосгаза.

И, получив там зарплату, я, случалось, выходил через Курский вокзал на Земляной вал. Иногда шел бродить.

Помню, однажды была несвежая погода, зима, все серое, грязный снег, лужи... Однако получил зарплату и пошел бродить. Присел на лавочке в скверике возле какого-то бактериально-вирусного института, где была когда-то Александровская, а еще раньше Полицейская больница в Казенном переулке, напротив памятника доктору Гаазу...

Смотрел на памятник, умилялся, смягчался сердцем.

Надпись читал: «Спешите делать добро».

А потом мне показалось, что бюст неровный какой-то, большой лоб и большой нос Федора Петровича как будто из папье-маше вылеплены... Чем-то замазан, выпачкан памятник.

Подошел, в самом деле. Грязь какая-то на докторе Гаазе.

Что делать?

Достал нож, попытался очистить.

Не получается.

К тому же постамент высок и скользит, я не достаю.

Брожу с ножом вокруг памятника ищу что-нибудь подложить, чтобы повыше стать... Жалко же доктора (Святого доктора!), за что его так...

Ничего не нахожу.

В это время худенькая женщина в халате, служащая или научный работник, вышла из этого самого института:

– Что вы делаете!.. Бросьте! И не старайтесь!.. Мы уже все, что можно пробовали. Ничего не очищается...

– Да кто ж это его так?

– Молодые люди какие-то... Ведро краски ему на голову вылили и подожгли...

...И охватил меня праведный гнев и возмущение...

В самом деле, откровенное негодяйство, невежество и неблагодарность. Ни над чем-нибудь, ни над кем-нибудь – над памятником доктору Гаазу так надругаться, что никто и очистить не может!..

Так оскорбить, так выпачкать... И кого? Доктора! Федор Петровича! Главного попечителя тюремных больниц... Святого доктора!..

Доктора Гаазу, которого не только царь и Святитель Филарет любили и почитали, но и всякая московская и немосквская шпана и каторга...

И долго я так возмущался, и в умную мою голову даже не пришло, что доктор Фридрих Иозеф, по-нашему Федор Петрович Гааз, этих малолетних дураков, разумеется, просто простил бы, а случись с ними беда, еще и постарался бы избавить от всякого полицейского преследования, праведного гнева и, особенно, от моего благородного возмущения и негодования...